

Епископ Костромской и Галичский Ферапонт (Кашин)

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА ВЛАДИМИРА ВЕЛИКОГО ДЛЯ ИСТОРИИ РУСИ И ЭВОЛЮЦИИ ЕГО ЛИЧНОСТИ

Минувший 2013 год остался в нашей памяти как год 1025-летнего юбилея Крещения Руси. Рассматривая исторический выбор, сделанный некогда народами Киевской Руси, необходимо в первую очередь рассмотреть титаническую фигуру князя Владимира Святого, или, как его называют иногда в светской историографии, Великого. Подобный анализ может помочь нам понять связанность двух этих эпитетов, прочувствовать неразрывность святости и настоящего величия, как внутреннего, духовного, так и внешнего – интеллектуального, деятельного, и политического.

Предание, зафиксированное в летописях, рассказывает нам о выборе, который стоял перед правителем еще относительно молодого, но вполне серьезно заявившего о себе восточно-европейского государства. Русские князья, объединившие державу от Белого до Черного морей, уже прославились своими походами в Поволжье, на Северный Кавказ и Балканы. Внешняя политическая сила новой страны настоятельно требовала соответствующего внутреннего содержания.

Попытавшись найти должное отражение своих великих государственных замыслов в служении языческим культам, как местным, так и заимствованным, служении кровавом и фанатичном, жертвами которого стали первые киевские мученики варяг Федор (Утор) и его сын Иоанн, князь Владимир, потрясенный их мужественным неприятием идолослужения, обращается к иным религиозным учениям, известным на то время славянам от иноземных гостей. И вот тут-то искателям истинной веры открывается красота и внутреннее содержание византийской православной традиции. Простые и в чем-то наивные слова киевских послов, сохраненные в «Повести Временных Лет» скрывают за собой действительное ощущение расцвета культуры – бытовой, политической, а главное – духовной, пришедшегося на годы правления в Восточной

Римской империи, Византии, Македонской династии. «Мы не знали, где мы находились - на небе или на земле. Мы не можем описать это тебе, но одно только мы знаем точно, что Бог живет там среди людей. Мы не можем забыть эту красоту» – сообщают они внимающему князю. Отголосок этого чувства, этого восхищения, изумляющего зрителя, каждый из нас может испытать, прикоснувшись к той великой сокровищнице изобразительного и литературного церковного искусства, которое оставила нам блестящая эпоха, названная позднее Македонским Ренессансом.

Среди византийских императоров македонской династии, потомков Василия I, было достаточно образованных людей, благожелательно относившихся к античной культуре, таких как Константин VII Багрянородный, страстный любитель книг, и Лев VI, богослов и известный церковный поэт, сочинения которого и в наше время звучат за богослужением.

В период правления этой династии отмечался расцвет математики, естественных наук (были составлены энциклопедии по медицине, агротехнике), военного дела. Ученые, богословы, философы, поэты, историки и ораторы создавали шедевры литературы и искусства. Имена патриарха Фотия, Михаила Пселла, Симеона Метафраста, Никифора Ксифилина, Михаила Атталиата и Христофора Митиленского, Кассии Константинопольской представляют нам ярчайшие формы византийского интеллектуального и художественного творчества того времени.

Император Константин VII Багрянородный, современник провозвестницы великого крестителя Руси – святой Ольги, занимавший византийский трон с 913 по 959 год, обладая явным литературным талантом, создал ряд медицинских, исторических и сельскохозяйственных трактатов. Он также обработал и собрал воедино множество жизнеописаний святых. Константин VII имел собственную мастерскую для создания копий античных рукописей. До нас дошли удивительные миниатюры так называемой Парижской Псалтири.

Изобразительное искусство, связанное с церковью, продолжало развиваться в рамках строжайших иконографических канонов, и здесь были достигнуты поразительные успехи. Мозаика Богоматери в апсиде Софийского собора, созданная неизвестным автором, настолько прекрасна, что патриарх Фотий заметил о ней: «Видимо, искусство живописца вдохновлено было

свыше: так верно подражает он природе».

В ту эпоху ведущую роль в живописи в целом и в частности: иконописи, миниатюре и фреске, приобрели столичные школы, отмеченные печатью особого совершенства вкуса и техники. При Македонской династии впервые появились имперские школы живописцев икон. Там было изготовлено не только значительное количество икон и живописи на стенах церквей. В школах брались также и за иллюстрирование рукописей. При Василии II появился знаменитый Ватиканский Менологий с прекрасными миниатюрами, исполненными восемью иллюстраторами, имена которых написаны на полях. К этому времени относится также большое количество интересных, оригинальных и тонко исполненных миниатюр.

Столица империи, Константинополь, удивляла своим почти сказочным величием и роскошью. Полная парадного блеска, роскошных храмов, драгоценных украшений, сверкающих дворцов, она производила неотразимое впечатление на гостей великого города. В обществе усилилась тяга к эстетике, изяществу внутреннему и внешнему. Процветали ювелирное дело, прикладное искусство. При украшении произведений прикладного искусства практически всегда использовались античные сюжеты. В это время был создан один из наиболее изысканных образцов крестово-купольного храма, получивший название храма «на четырех колонках».

И как бы в ответ на пышность внешней жизни резко увеличилось количество монастырей. Началось воссоздание мозаик Софийского собора, уничтоженных в период иконоборчества. Агиография являет нам лики святых того времени – патриархов, монахов, цариц, блаженных.

Влияние византийского искусства македонского времени распространилось за границы империи. Последние живописные изображения знаменитой римской церкви Santa Maria Antica, относящейся к IX или X веку, могут быть отнесены к лучшим произведениям Македонского Возрождения. Святая София в Киеве (1037), как многие другие русские церкви, также относятся к «византийской» традиции эпохи македонских императоров.

Блистательный период Македонской династии (867–1025) был также лучшим временем в истории византийского искусства с точки зрения жизненности и оригинальности.

Византийская империя была средоточием внешних и внутренних богатств тогдашней Европы. И византийское

храмовое богослужение, так поразившее послов князя Владимира, было ярчайшим выражением всего того духовного и культурного капитала, что был накоплен европейской христианской цивилизацией того времени. Таким образом, киевляне, прибывшие в Константинополь и ставшие свидетелями этого великолепия, не могли представить никакой достойной альтернативы своему так ярко проявившемуся внутреннему выбору. Цивилизационный выбор свершился для них как-бы молниеносно, в один ярчайший момент церковной службы.

И это свидетельство, как и иные, (политические) побуждения, вели правителя Киевской Руси к единственному пути – присоединения к великому Византийскому Содружеству народов. Содружеству, объединенному именем Христовым и христианской культурой.

Так, Промысел Божий через зрение прекрасного и приобщение к осмысленному многими поколениями, уловил себе еще один народ, приводя людей к Подателю истинной красоты и всякого истинного блага – Богу. Малому семени, брошенному в Софии Константинопольской, предстояло стать великим деревом, покрывшим значительную часть Земного шара.

По словам одного современного нам писателя (академика В.Н. Топорова): *«Эти два события [принятие христианства Русью и Литвой], сыгравшие исключительную роль в истории этих стран и предопределившие на многие столетия их место в истории, должны расцениваться и как события вселенского характера... Принятие христианства на Руси не только приобщило к уже христианскому миру наиболее обширную и самую отдалённую часть единого пространства — Восточную Европу, но и тем самым в исторически ближайшем будущем открыло новый огромный мир, который должен был христианизироваться с помощью русских христиан, «тружеников одиннадцатого часа»... И каковы бы ни были последующие судьбы христианства в Восточной Европе, его наследие стало неотъемлемой составной частью духовной культуры и здесь, — может быть, особенно здесь».*

И это был не только первый толчок к будущему культурному и государственному величию, Крещение дало русскому народу, всем восточным славянам историческую программу, единый духовный стержень на годы вперед.

«Крещение Руси в 988 году и последовавшее за ним учреждение епархий во главе с митрополитом стольного града

Киева положило начало новой Поместной Церкви в рамках Вселенского православия. Приняв святое крещение и наставление в истинах Христовой веры от византийских иерархов русские, украинские и белорусские народы были привиты к древу Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Благодаря живой связи с греко-славянским православным Востоком, Русская церковь восприняла богатейшее византийское наследие.

С конца X столетия православие формировало культуру русского народа, участвовало в развитии искусства и формировании государственности. Православные духовно-нравственные ценности становились сутью государственной идеологии в период Киевского государства в X-XII вв., формирования и укрепления русского государства с центром в Москве (XIV-XVI вв.), возрождения России в XVII веке после периода Смутного времени, шведско-польской интервенции и пр. Православие не раз спасало Русь и российскую государственность от гибели. Принятие христианства в 988 г. было актом политическим и, возможно, позволило сохранить Киевской Руси свою государственность и национальную независимость до XIII века, а в XI-XII вв. она (благодаря приобщению к православной культуре) наряду с Арабским Халифатом и Византией стала принадлежать к наиболее развитым странам того времени и пережила период своего расцвета.

С Крещением Руси на Руси вместе с просвещением ее светом христианства появляется «учение грамоте» и «учение книжное». Перевод священных книг, написание исторических, художественных, педагогических книг, согласованные действия князей и духовной власти по просвещению населения обеспечили широкое распространение грамотности и более высокого образования на Руси в домонгольский период, результатом чего стал расцвет древнерусской культуры». (*Крещение Руси — основа духовного единства славянских народов, Священник Олег Чебанов на bogoslov.ru*)

Выбор святого князя оправдал себя, принеся сторицей плод Христу и последовавшим за Ним народам.

Не остался без плода и сам великодержавный труженик христианского просвещения. История его нравственного изменения напоминает нам обращенную вспять историю падения премудрого Соломона.

В седьмой песне Великого канона Андрея Критского мы

слышим об этом великом мудреце: «Соломон чудный и благодати премудрости исполненный, сей лукавое иногда пред Богом сотворив, отступи от Него». «Сластьми влеком страстей своих оскверняшесь, увы мне, рачитель премудрости, рачитель блудных жен и странен от Бога».

И та же книга Царств повествует о низком падении превознесенного мудреца: «И царь Соломон бе женолюбив, и поя жены чуждия, и дщерь фараону, моавитяныни, амманитяныни, сирианяныни и идумеаныни, хеттеаныни и аморреаныни, от язык, ихже отрече Господь сыном Израилевым: не входите в ня, и тии да не входят в вас, да не отвратят душ ваших вслед идол своих; к тем прилепися Соломон любити. И бысть во время старости Соломону, и совратиша жены чуждия сердце его вслед богов иных, и не бе сердце его совершенно с Господем Богом его, якоже сердце Давида, отца его, и хождаше Соломон вслед Астарта, мерзости Сидонския, и вслед Ваала, идола сынов Аммоних. И сотвори Соломон лукавое пред Господем... Тогда созда Соломон высоко капище Хамосу, идолу Моавлю, и Ваалу, идолу сынов Аммоних, и Астарте, мерзости Сидонстей, на горе, яже пред Иерусалимом; и тако сотвори всем женам своим чуждим, яже кадяху и жряху идолом своим. И разгневася Господь на Соломона, яко уклони сердце свое от Господа Бога Израилева» (3Цар.11:1–2, 4–9).

Мудрец, соблазненный сластолюбием, устраняется от Бога — вот что показывает нам эта история. История князя Владимира говорит нам о том, как сластолюбивый и жестокосердный правитель обретает воздержание и «ум Христов»(1 Кор. 2, 16).

Летописцы не жалеют черных красок, изображая Владимира до принятия им христианства. Он был жесток, злопамятен и вообще наделен самыми разными пороками, среди которых, прежде всего, называют непомерное сластолюбие. У Владимира той поры было пять жен. Одну из них, полоцкую княжну Рогнеду, он насильно сделал своей супругой, начав войну с ее отцом, полоцким князем Рогволодом, после того как Рогнеда гордо отвергла его предложение вступить в брак. Захватив Полоцк, Владимир обесчестил Рогнеду на глазах ее отца и матери, а затем убил обоих родителей. Другой женой Владимира стала вдова убитого им Ярополка, некая гречанка, бывшая прежде монашенкой и привезенная в Киев князем Святославом, пораженным ее красотой. «Повесть временных лет» так передает жизнь Владимира до крещения:

«Был же Владимир побеждён похотью, и были у него жёны [...], а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц».

Принятие христианства совершенно изменило князя Владимира. Нет сомнений, что он искренне и всей душой принял новую веру. Он освободил от супружеских обязанностей всех бывших языческих жён. Рогнеде он предложил выбрать мужа, но она отказалась и приняла монашеский постриг. Летопись и княжеское Житие более всего отмечают его исключительное милосердие и нищелюбие. Услышав слова Писания: «Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7), Владимир начал творить множество добрых дел. Он повелел всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор и брать все, что ему потребно, — едой, питьем или деньгами. Более того, узнав, что больные и немощные не могут добраться до его двора, князь повелел развозить для них по городу пропитание. «И повелел снарядить телеги и, положив на них хлебы, мясо, рыбы, овощи различные, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной или нищий, не могущий ходить?» И тем раздавать все, что им нужно», рассказывает летописец. «И не в Киеве одном, но по всей земле Русской — и в городах, и в селах — везде милостыню творил, нагих одевая, алчущих насыщая, жаждущих напоая, странников одаривая милостью, церковников почитая, и любя, и милуя, подавая требуемое, нищих, и сирот, и вдовиц, и слепых, и хромых, и больных — всех милуя и одевая, и насыщая, и напоая. И так пребывал князь Владимир в добрых делах...» А это уже слова мниха Иакова, автора «Памяти и похвалы князю Владимиру».

Одно время он не решался даже утверждать приговоры о справедливых казнях особо опасных преступников, на что митрополит и старцы говорили ему: «Аще бо не казниши злых, то веждь, яко добры зле деяши: понеже твоего ради нерадения умножаются злии на пакость добрым: но погуби злых, да добрии в мире жительствуют». «Красным солнышком» прозвал Владимира русский народ. При этом князь продолжал оставаться победоносным полководцем, мужественным воином, мудрым главой и строителем государства.

О значении обращения князя Владимира прекрасно сказано святителем Николаем Сербским: «Кто-то, рассуждая о Промысле

Божием, может в недоумении спросить: отчего Господь избрал крестителем, духовно переродившим русский народ, именно такого человека, который в начале своей жизни, кажется, превзошел во зле всех своих языческих предков и современников? Как будто Обративший Савла в Павла, в Апостола веры Христовой, выбирая такого закоренелого язычника для важнейшей миссии, не знал, каков был Владимир. Действительно, нелегко бывает рассмотреть все нити в тончайшей ткани Божественного Промысла, но *эту* нить проследить нетрудно.

Было необходимо показать всем последующим русским поколениям раскаявшегося грешника, поставить у истоков новой России просветившегося язычника, чтобы стоял он, подобно змию медному, и наставлял, укреплял и исцелял оступившихся и маловерных, всех русских христиан во все грядущие времена. Лучшее свидетельство действенности любого лекарства — исцелившийся больной. Необходимо было исцеленного князя Киевского показать тем, кто был еще болен, для того чтобы они с радостью приняли то же лекарство. Из всех чудес, что творит вера Христова, самое душеполезное — обращение грешника в праведника. И вот как свидетельство такого чуда — личного преобразования — стоит святой Владимир при вратах христианской Руси и словно взывает к каждому русскому: «Я был ночь и превратился в день! Кем был ты? Кем стал ты?»

Как видим, особое попечение Божие явилось в избрании крестителя нашего народа не только в историческом плане, но и в плане нравственном, подавая всем нам, наследникам Киевской купели, особый пример духовной заботы Создателя о человеке.

Завершить статью о значении исторического для нашего отечества выбора мне хотелось бы словами Святейшего Патриарха Кирилла: «Святой равноапостольный великий князь Владимир не только свою жизнь изменил и отряс в купели слепоту душевную, вкупе же и телесную, — он изменил жизнь всего народа своего. Именно через него вошла в это языческое племя Божия истина, именно через его подвиг вооружились мы критерием истины, мерилом правды. И хранит Русь Святая это мерило, несмотря на самые страшные жизненные потрясения, исторические трагедии, соблазны и заблуждения. Знаем, что и сегодня входят в мир различные соблазны. Нам говорят, что Евангелие ложно, что существуют какие-то иные повествования о Христе; нам говорят, что есть какие-то другие истинные

«церкви», а не Церковь, идущая от святых апостолов; нам предлагают идти по одному пути, и другому, и третьему... Но народ наш, просвещенный святым равноапостольным князем Владимиром, храня веру православную, хранит это мерило истины и прилагает его ко всем обстоятельствам жизни. Мы должны научиться делать это применительно не только к своей личной жизни, но и к жизни общественной, народной. Мы должны, вооружась этой великой Божественной силой, работать таким образом, чтобы в нас отображался голос Божий — в наших мыслях, в наших делах, в нашей воле. Празднуя память святого равноапостольного князя Владимира, мы одновременно благодарим Бога за тот более чем тысячелетний путь, которым прошел Его народ — народ Святой Руси, хранящий непоколебимо святыню веры православной. Только она одна и помогла народу сему не сбиться с исторического пути, не потерять ориентиров и сохранить способность отличать добро от зла и Божию правду от лжи».